

ЭСТЕТИКА И ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ ПРАВА

© 2023 г. П. Л. Лихтер

Пензенский государственный университет

E-mail: laxter@mail.ru

Поступила в редакцию 20.02.2023 г.

Аннотация. Эстетическое восприятие правовых феноменов — это сложный психический процесс, основанный на рациональном понимании, эмоциях, предпочтениях, ценностях реципиента. При этом критериями оценки выступают не только стилистическая красота, но и внутреннее содержание, поэтому эстетическое измерение неразрывно связано с аксиологией и онтологией. Основной целью статьи является исследование влияния эстетики на онтологические конструкции права. Для этого с помощью структурно-функционального, формально-юридического, нормативно-ценностного, логического, сравнительного методов выделяются и последовательно рассматриваются несколько эстетических уровней (структурный, динамический, рецептивный, контекстуальный); предлагаются способы достижения баланса между противоречивыми идеалами, принципами, институтами на разных уровнях. Признавая значение индивидуального восприятия правовых феноменов и влияние на них актуальных контекстов, важно не потерять объективные основания права. Особое внимание в статье уделяется признаку супервентности, который обозначает сложную взаимосвязь эстетических категорий и объектов правовой реальности. Постулируется возможность логической супервентности правовых феноменов на идеальных категориях. Применение концепции онтологической относительности Куайна для определения статуса объектов реальности позволило предложить методологию объединения онтологических единиц права и эстетических модификаций в гармоничное целое. По результатам работы делается вывод об инструментальном значении эстетического холизма для формирования онтологических конструкций права.

Ключевые слова: эстетика права, онтология права, правовая реальность, правовые феномены, супервентность, рецептивная эстетика, контекст, онтологическая относительность, объективный идеализм, холизм.

Цитирование: Лихтер П.Л. Эстетика и онтологические конструкции права // Государство и право. 2023. № 12. С. 72–79.

DOI: 10.31857/S102694520024483-2

AESTHETICS AND ONTOLOGICAL CONSTRUCTIONS OF LAW

© 2023 P. L. Likhter

Penza State University

E-mail: laxter@mail.ru

Received 20.02.2023

Abstract. Aesthetic perception of legal phenomena is a complex mental process based on a rational sense, emotions, preferences, and the values of the recipient. At the same time, the evaluation criteria are not only stylistic beauty, but also internal content, therefore, the aesthetic dimension is inextricably linked with axiology and ontology. The main goal of the article is to study the effect of aesthetics on the ontological constructions of law. For this, with the help of structural-functional, formal-legal, regulatory, logical, comparative methods are distinguished several aesthetic levels (structural, dynamic, receptive, contextual). Ways to achieve balance between conflicting ideals, principles, institutions at different levels are offered. Recognizing the importance of the individual perception of legal phenomena and the influence of relevant contexts on them, it is important not to lose objective grounds for law. Particular attention in the article is paid to the sign of supervision, which denotes the complex relationship of aesthetic categories and objects of legal reality. The possibility of logical supervenience of legal phenomena in ideal categories is postulated. The application of the concept of the ontological relativity of Quine to determine status of objects of reality made it possible to propose the methodology of combining ontological units of law and aesthetic modifications into a harmonious whole. Based on the results of the work, a conclusion is drawn on the instrumental significance of aesthetic holism for the formation of ontological constructions of law.

Key words: aesthetics of law, ontology of law, legal reality, legal phenomena, supervenience, reader-response criticism, context, ontological relativity, objective idealism, holism.

For citation: *Likhter, P.L. (2023). Aesthetics and ontological constructions of law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 12, pp. 72–79.*

Взаимосвязь эстетики и онтологии права. Постановка проблемы

Взгляд на проблему самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов во многом будет зависеть от концептуальной стратегии исследователя. Материалисты отмечают определяющее значение внешних физических факторов; солипсисты признают бытие права только в субъективном сознании; представители объективного идеализма допускают онтологическую подлинность ментальных процессов. И хотя сторонников идеализма среди юристов немного, материалистические концепции не всегда дают исчерпывающее объяснение алгоритмов возникновения права. Поэтому одним из дополнительных ресурсов, который мы можем привлечь для рассмотрения сущности правовых феноменов, будет эстетика. Категории соразмерного, гармоничного, прекрасного, сбалансированного могут в определенных случаях выступать факторами формирования правовых феноменов и обеспечивать целостность их восприятия.

А.Ф. Лосев писал о том, что почти любая сфера общественной жизни может стать источником эстетики, которая впитывает и концентрирует специфику социально-исторической конкретики¹. Неизбежно и обратное влияние на все сферы социальной реальности, в том числе на правовую. Так базовый принцип права — справедливость — имеет в своём основании эстетическую категорию *гармонии*, которая находит различные способы реализации в догматической юриспруденции. Например, Конституционный Суд РФ при рассмотрении вопросов о коллизии юрисдикций предлагает ориентироваться «на гармонию различных каталогов прав человека, обеспечиваемую схожестью их содержания»², а тест на *пропорциональность* и *взвешивание* интересов стали определяющими в конституционной юстиции³. *Симметричность* прав и обязанностей характерна для

частного права, а принцип *соразмерности* положен в основу пределов защиты гражданских прав (ст. 14 ГК РФ), владения и пользования долевой собственностью (ст. 247–249), уменьшения неустойки (ст. 333) и т.д. Категории *сбалансированности* и *существенности* имеют определяющее значение в уголовной, административной и дисциплинарной ответственности. Таким образом, как минимум, внешнее влияние эстетических характеристик можно проследить во всех отраслях права.

Одно из первых исследований взаимосвязи эстетики и юриспруденции было проведено Г. Радбрухом, который отмечал, что «выражение права подлежит эстетической оценке. И, как и любое явление, право также может служить материалом для искусства, оцениваться с эстетической точки зрения»⁴. Различные эстетико-правовые проблемы рассматривали Р. Иеринг, Г. Берман, О. Холмс; среди современных зарубежных ученых следует назвать П. Шлага⁵, А. Гири⁶, К. Зейдлера⁷. В России эстетико-правовые темы были объектом внимания В.М. Баранова, Н.А. Власенко, Н.Н. Вopenко, Г.К. Гинса, И.А. Исаева, О.Э. Лейста, Н.И. Овчаренко, О.Ф. Скакуна⁸. Комплексному анализу эстетических оснований права посвящена диссертация Т.В. Пуховой⁹. Однако большая часть работ в этой сфере посвящена узким вопросам влияния произведений искусства на индивидуальное правосознание или стилистической точности законов¹⁰.

Концепция эстетики, предложенная в настоящей статье, объемнее общепринятой трактовки и включает в себя

⁴ Радбрух Г. Философия права. М., 2004.

⁵ См.: Schlag P. The Aesthetics of American Law // Harvard Law Review. 2002. No. 115. P. 1047–1116.

⁶ См.: Gearey A. Law and Aesthetics (Legal Theory Today). Bloomsbury Publishing PLC, 2001.

⁷ См.: Zeidler K. The Aesthetics of Law. Wolters Kluwer, 2020.

⁸ См.: Гаврилов С.Н. Методология машинного восприятия права на основе синектического подхода // Журнал рос. права. 2022. № 12. С. 30–44.

⁹ См.: Пухова Т.В. Эстетические основания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

¹⁰ См.: Шнигер Д.О. Правовая эстетика, или право как искусство // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 113–120.

¹ См.: Лосев А.Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 1. Ранняя классика. М.; Х., 2000.

² Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 г.

³ См.: Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 59–81.

различные модификации сущностных и структурных проявлений, в том числе уникальное восприятие читателем юридического текста. Такая интегративная концепция ближе к оригинальному понятию эстетики (от греч. *αἰσθητικός* — ощущение, переживание) и включает в себя как нормативные схемы, формы воплощения, так и чувственное переживание правовых феноменов. Соответственно ответ на вопрос об онтологической самостоятельности правовых элементов будет зависеть не только от реальности тех или иных объектов, но и от состояния интерсубъективной действительности в коллективном правосознании. В работе поставлены вопросы о том, какие категории эстетики присущи правовым институтам и как они влияют на рецепцию субъектов? Могут ли они усиливать воздействие при регулировании общественных отношений через чувственное или рациональное восприятие? Могут ли они использоваться для ограничения вариативных каузальных цепочек права?

Основной целью статьи является исследование влияния отдельных эстетических категорий на онтологический статус правовых феноменов.

Для этого будут рассмотрены следующие задачи: 1) установление различных уровней эстетики в праве, рассмотрение возможности их объединения в целое; 2) анализ свойств супервентности правовых институтов на абстрактных основаниях; 3) определение онтологического статуса объектов правовой реальности с учётом теории онтологической относительности У. Куайна; 4) изучение возможности ограничения бесконечного многообразия каузальных цепочек правовой реальности за счет эстетических императивов; 5) поиск практического применения эстетических инструментов в доктринальной юриспруденции.

Достижение поставленных задач разрешается с помощью междисциплинарного и системно-структурного анализа, а также эстетико-ценностного, сравнительного, формально-юридического, логического, диалектического, телеологического методов.

Супервентность права и эстетики

Один из центральных вопросов юриспруденции заключается в том, что воплощают собой правовые феномены на базовом уровне. Различные интеллектуальные традиции в качестве сущностных оснований называли мораль, экономику, политическую волю, классовые интересы, контекст общественных отношений и пр. Тенденции современного права предопределил антропологический поворот, который сместил методологические акценты на индивида. Однако антропологический поворот и возникшие в его результате юридический постмодернизм и юридическая антропология не предложили удовлетворительных методологических стратегий для разрешения вопросов онтологии права¹¹. Абсолютизация индивидуальности, свойственная постмодернизму, предполагает перенесение всех ценностей (в том числе правовых) в человека, но чем интенсивнее субъективизм, тем более бессодержательным оказывается объективный мир, тем чаще человек отказывается окружающему миру в объективности¹². Не отрицая значение индивидуального правопонимания, следует признать, что правовым феноменом делает объективный масштаб, т.е. независимое от

каких-либо мнений присутствие в нём сущностных идеалов права, воплощенных в надлежащей форме.

Эстетика предлагает необходимую оптику для исследования вопроса о сущности и данности правовых феноменов, которые являются интеллигибельными объектами, то есть вступают в сознание человека. Их восприятие и встречное воздействие — это сложный процесс, в котором проявляется важный признак формирования правовой реальности — целостность структуры познавательных актов. Помимо дескриптивных элементов, специфика юридического мира наглядна в прескрипциях, отражающих особый модус бытия, — должествование. Возникновение права неизбежно обусловлено ценностями и идеалами. В этом заключается еще одна из его особенностей: двойственное влияние на восприятие правовых феноменов как средовых факторов, так и идеальных установок. Существование права немыслимо без внутренней направленности на достижение идеальных категорий гармонии, справедливости, соразмерности, равенства. Таким образом, в первом приближении сущностными признаками восприятия правовой реальности необходимо назвать: целостность структуры познавательных актов, идеальность предпосылок, ценностную ориентированность.

Влияние идеальных категорий на формирование онтологических конструкций права можно попробовать рассмотреть через свойство *супервентности*. Этот термин получил широкое распространение в современной аналитической философии за счёт работ, отвергающих методологический редукционизм при установлении онтологической подлинности ментальных феноменов¹³. Согласно формулировке Д. Чалмерса «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах»¹⁴. Признак супервентности определяет отношение детерминированности двух сложных систем, которое не следует упрощать до простой импликации (связка «если... то...»). Импликация применяется обычно в логике и является более широким понятием, а супервентность используется при изучении соотношения базовых предпосылок и основанных на них ментальных феноменов.

В юридической науке свойство супервентности пока не было предметом исследования, но оно может обладать методологическим значением для понимания сложной детерминированности правосознания, правовой реальности и онтологических оснований их формирования. Так, если в качестве исходного тезиса взять супервентность правовых объектов на эстетических категориях, то новые вопросы можно сформулировать следующим образом: 1) будут ли отличаться правовые ценности и принципы (Б-факты) при тождестве эстетических оснований (А-факты)? 2) насколько будет отличаться отраслевое законодательство (Б-факты), если оно построено на схожих идейных предпосылках (А-факты)? 3) изменится ли содержание правоотношений (Б-факты) при отсутствии различий в эстетическом восприятии реципиентами правовых феноменов (А-факты)?

Супервентность правовой реальности через призму эстетики опровергает методологический редукционизм, который склонен признавать самостоятельный онтологический статус только у объектов физической реальности (здание суда, конституция-книга и т.п.). Справедливость,

¹¹ См.: Костогрызов П. И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Научный ежегодник ИФИП УрО РАН. 2017. Вып. 4. Т. 17. С. 81–99.

¹² См.: Лосев А. Ф. Хаос и структура. М., 1997. С. 732.

¹³ См.: Davidson D. Mental Events. Reprinted in Essays on Actions and Events. Oxford, 1970.

¹⁴ См.: Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 55.

соразмерность, гармония, существенность — это феномены юридической действительности, с которыми постоянно сталкивается сознание любого человека и которые не подлежат объяснению исключительно через физические характеристики.

Для изучения влияния эстетических предпосылок на формирование онтологических конструкций права предлагается выделить и рассмотреть следующие уровни эстетических оснований: 1) структурная эстетика; 2) динамическая эстетика; 3) контекстуальная эстетика; 4) рецептивная эстетика; 5) холистическая эстетика.

Структурная эстетика

Первый уровень эстетики предполагает формализацию и систематизацию идеальных категорий права. Находясь в строгой структуре, объекты обретают свойства устойчивости, ясности и последовательности. Такая эстетика важна для единого понимания терминов в фундаментальной юриспруденции и догматике. Установление «сетки» упрощает работу правоприменителя, которая сводится на базовом уровне к соотносению юридических фактов с формализованной архитектурой права. Правоведы приходят не на пустое пространство, но на территорию с уже сложившимся ландшафтом из отраслей, подотраслей, принципов, норм. Используя сложившуюся структуру, её можно изменить, улучшить, достигнуть необходимого результата.

Функция данного вида эстетики заключается в том, что она во многом объективизирует правовые феномены, делая их реальность общей для восприятия. Схематичность создаёт не только пространственную форму юридического мира, но позволяет рассматривать правовые феномены как реальные объекты, доступные для понимания и единой идентификации реципиентами.

К недостаткам структурного уровня эстетики следует отнести соблазн избыточной классификации; увлеченность разнообразными систематизациями полезна при составлении учебных пособий, но на практике может увести в дебри формалистики¹⁵. Когда правоприменитель фокусируется исключительно на структурной эстетике права, то может упустить из виду экономические, социальные, культурные или иные важные аспекты. Интерналистский характер эстетики структуры влечёт риск высокой ригидности юриспруденции, т.е. медленной реакции на трансформацию общественных отношений. В то же время постоянные изменения структуры могут вызывать опасение за стабильность устоявшегося правопорядка.

Хотя право, как любое сложное здание, должно выражаться в понятной и строгой архитектуре, структурного эстетического уровня недостаточно для полноценной реализации всех его функций. Первый этаж эстетики сохраняет значение для юридического образования или доктринальных концепций, но, оставаясь структуралистским образованием, нуждается в дополнении и развитии.

Динамическая эстетика

Устойчивость структурного уровня привлекает своей внешней надёжностью и предсказуемостью, но нахождение в пространстве строгих конструкций может вызвать чувство доктринальной клаустрофобии. Диалектика социальных отношений не предполагает застывших навсегда форм. Вторая теорема Гёделя гласит: «если арифметическая

формальная система непротиворечива, то она неполна». Правовая реальность является открытой системой, на которую влияют экономические, социальные и другие факторы; кроме того, она подвержена и внутренним изменениям. Если структурная эстетика опосредует статическую сущность юридической действительности, то динамическая эстетика связана с конфликтными изменениями, реформами, трансформацией. Динамика права проявляется по-разному и требует поиск баланса интересов различных субъектов отношений. Разнонаправленная совокупность правовых идеалов, ценностей, норм создаёт общий вектор движения.

На практике анализ противоречивых норм и принципов требует их комплексной оценки (не случайно эстетический образ правосудия связан с весами). Взвешиванию подлежат не только различные нормы применимо к юридическому факту, но в целом ряд предпосылок, на которых супервентны правовые феномены. Поэтому некоторые исследователи обосновывают, что правовые положения не могут быть произведены, их можно только открыть (подобно законам физики или мышления). Выстраивание оптимальной системы зависит от «бытийственной справедливости», «послушания бытию» и т.п.¹⁶ В такой перспективе юридические конструкции получают обоснование в базовых онтологических основаниях. При затруднении в альтернативном выборе вариантов судьи пытаются найти сбалансированное решение, которое (помимо взвешивания различных ценностей) отвечает на вопрос степени: насколько данный правовой феномен отражает сущностные (в некоторых случаях предельно абстрактные) предпосылки?

Недостаток динамического уровня эстетики заключается в том, что право, не ограниченное структурой, теряет свою функциональность. Сосуществование статики структуры и динамики противоречий ставит вопрос об алгоритме выстраивания правильной иерархии правовых феноменов. Упрощенно его можно сформулировать следующим образом: можно ли рассматривать право в качестве каузальной модели и ограничивать бесконечные каузальные цепочки правовой действительности эстетическими модификациями?

Вариант урегулирования напряженности статико-динамических проблем права содержится в знаменитой полемике Г. Харта с Л. Фуллером на страницах журнала «Harvard Law Review»¹⁷. Г. Харт предложил отделять «ядро» правовых институтов, значение которых понятно и устойчиво, от неясных «полутеней» спорных случаев, когда нормы не могут применяться с очевидностью. Вопрос о разделении правового ядра и беспредельной периферии постоянно возникает в рамках прецедентного права. Большую часть судебных дел можно разобрать на первом (структурном) уровне эстетики, однако рано или поздно развитие общественных отношений порождает споры, которые не уместаются в существующие юридические конструкции. Тогда судье приходится передвигать структурные границы, использовать аналогию права или другие инструменты. Герменевтическая (как её называл сам автор) концепция Г. Харта¹⁸ обладает важным проясняющим потенциалом, так как он дополнил свою

¹⁶ См.: *Фехнер Э.* Философия права // Росс. ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 565.

¹⁷ См.: *Hart H.L.A.* Positivism and the Separation of Law and Morals // *Harvard Law Review*. Vol. 71. 1958. No. 4. P. 593–629.

¹⁸ См.: *Hart H.L.A.* *Essays in Jurisprudence and Philosophy*. Oxford, 1983. P. 13.

¹⁵ См.: *Гаджиев Г.А.* Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // *Вестник гражданского права*. 2017. № 6. С. 108–173.

теорию требованием учёта внутренней точки зрения, которое не теряет актуальность в юридической теории.

Контекстуальная эстетика

Восприятие правовых феноменов может меняться в зависимости от того, в каких политических, культурных, социальных условиях находится субъект права. Хотя правовой институт тождественен сам себе на структурном уровне, эстетика контекста предопределяет особенности его отражения в индивидуальном и коллективном правосознании. Разнообразие точек зрения становится фактом юридического мира. Принципы плюрализма мнений, свободы слова и совести — это базовые принципы (если не доведены до абсурда), которые выступают важными механизмами контроля за вектором развития права. На них построена система сдержек и противовесов, многопартийности и других институтов, которые не позволяют крайним идеологическим позициям занять магистральное направление и нарушить баланс интересов в обществе.

Наблюдение за актуальными политико-правовыми событиями показывают, что одно и то же явление может быть воспринято по-разному при различии контекстуального фона у интерпретаторов. Например, изъятие частной собственности в результате санкций может оправдываться «демократическими» ценностями либо трактоваться как грубое нарушение базовых экономических прав; а запрет на участие в спортивных соревнованиях атлетам по национальному признаку может восприниматься как исполнение формальных правил МОК либо как несоблюдение обычаев, действовавших со времён первых олимпийских игр. Контекст определяет восприятие явления и порождает противоречивые оценки. Расстановка политических сил, культурное своеобразие, общий уровень актуального дискурса в обществе во многом формирует правовую действительность. *В различных контекстах одни и те же правовые феномены могут быть эстетичны и обоснованы, следовательно, приняты и поддержаны либо отвергнуты аудиторией.*

Эстетика контекста важна не только при влиянии внешних факторов, это относится и к юридическим понятиям. Например, значение термина «конституция» может меняться в зависимости от отрасли знания, национальной юрисдикции, мировоззрения интерпретатора. Для участников судебного заседания использование контекстуальной эстетики может давать преимущество при ряде процессуальных действий: чем лучше участники процесса понимают горизонт усмотрения судьи, тем больше у них шансов на победу. Соответственно корректировка правовой стратегии с учётом контекста может быть использована для достижения необходимых результатов в юридическом творчестве.

Недостатком этого уровня эстетики является риск подмены поиска истинной сущности правового феномена признанием возможности различных точек зрения в зависимости от контекста. Многообразие мнений не всегда подходит юридической науке, часто необходимо выбрать один вариант. Так, суд по уголовному делу должен установить виновность или невиновность подсудимого и не может подтвердить своим решением одновременное наличие обоих вариантов. Многообразие контекстов также не должно отменять нацеленность академического сообщества на честный поиск релевантного знания независимо от политических расстановок или модных тенденций. А.А. Зализняк, критикуя отказ от поиска истины в постмодернистской традиции, высказался в защиту двух идей, «которые прежде считались очевидными, а теперь звучат очень немодно: 1) истина существует, и целью науки является ее поиск; 2) в любом

обсуждаемом вопросе профессионал в нормальном случае более прав, чем дилетант. Им противостоят положения, ныне гораздо более модные: 1) истины не существует, существует лишь множество мнений; 2) по любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов науке...»¹⁹. Сказанное в полной мере относится к вопросам эстетики права: индивидуальное правопонимание может трансформироваться в условиях изменения контекста, но не отменяет базовые основания права. Внимание к контексту не должно заслонять собой сущности юридической конструкции. Если мы признаем онтологическую подлинность некоторых идеалов права, то подтверждаем недопустимость их искажения под влиянием изменчивых внешних факторов. Позиция антиреализма допустима в квантовой механике, но в юриспруденции феномены не могут полностью зависеть от наблюдателя.

Рецептивная эстетика

Особенности индивидуального восприятия «феноменального» мира исследуются рецептивной эстетикой или эстетикой воздействия (англ. *reader-response criticism*). Она получила развитие в XX в. в герменевтике и феноменологии за счёт внимания к проблемам взаимодействия между текстом и читателем²⁰. Рецептивная эстетика постулирует тезис о том, что текст сам по себе еще не произведение, произведение — это смысл текста в восприятии реципиента.

Право вполне может рассматриваться как текст, который распадается на иерархию текстов на уровне эстетики структуры и образует их сложные переплетения на уровне эстетики противоречий. Соответственно, текст закона будет определяться не только волей законодателя, но и пониманием реципиента. Особое значение такая перспектива приобретает в конституционном праве, где тексты выполняют прескриптивную функцию. Конституционный текст не равен сам себе, важно — насколько он соответствует ожиданиям населения и как воспринимается. Непрочитанная конституция не является конституцией; фиктивная конституция создаёт риски конституционно-правовой аномии, т.е. такого состояния, при котором происходит дезинтеграция сложившихся идеалов и институционных норм.

В феноменологической перспективе можно выделить субъективный и социальный виды рецептивной эстетики²¹. В субъективных концепциях значение текста определяется личными эмоциями читателя. В юридической науке субъективная теория имеет перспективы использования для исследования реакции индивида или сопоставления реакции группы читателей. Например, анализ интерпретаций проекта нормативного правового акта может иметь значение при подготовке важных федеральных законов. Социальная рецептивная концепция предполагает, что интерпретация любого текста детерминирована прежде всего коллективными установками²². При таком подходе в терминах современной аналитической философии правовые институты

¹⁹ Речь А.А. Зализняка на церемонии вручения литературной премии А. Солженицына // Росс. газ. 2017. 28 дек. С. 4.

²⁰ См.: *Tompkins J. P.* Reader-response Criticism: From Formalism to Post-structuralism. Johns Hopkins University Press, 1980.

²¹ См.: *Tyson L.* Critical theory today: a user-friendly guide, 2nd ed. Routledge, New York and London, 2006.

²² См.: *Fish S.* Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, Ma., 1980.

супервентны на культурных особенностях правосознания всего населения.

К свойствам восприятия юридического текста в свете рецептивной эстетики следует отнести: рациональность (правовые феномены классифицируются через интеллектуальную идентификацию); конкретность (объекты воспринимаются не как бессвязный набор ощущений); устойчивость (постоянство в восприятии правового феномена); соотнесенность с целым (объект воспринимается как часть правовой реальности); иерархичность (некоторые объекты обладают приоритетом в восприятии). На основании этих признаков можно определить читателя нормативного правового акта в качестве активного агента, который придаёт «реальное существование» тексту и «конструирует» его смысл через собственную интерпретацию. Таким образом на уровне рецептивной эстетики читатель формирует собственный правовой текст, уникальный в опыте индивидуального прочтения. Недостатком здесь является риск искаженной интерпретации, который разрешается за счёт доктринального толкования, конституционной юстиции и т.д.

Эстетический холизм при формировании онтологических конструкций права

Различные эстетические модификации в большей или меньшей степени способствуют формированию отдельных онтологических конструкций права. Например, идеал о высшей ценности индивида, его прав и свобод, трудно выразить без инструментальных методов рецептивной эстетики, а идею об иерархии позитивных норм — без эстетики структуры. Каждой сущности, на которой супервентны отдельные правовые институты, свойственна одна из модификаций эстетики, а выбор формы отражается на содержании. Соотносимость правового феномена с эстетической характеристикой влияет не только на объект правовой реальности, но на правосознание субъекта, который принимает определенную стратегию допустимого поведения.

Ответ на вопрос, какие именно основания формируют правовые феномены, на первый взгляд зависит исключительно от выбора мировоззренческой концепции: так, согласно Платону, право основано на справедливости; в представлении К. Маркса, право — это возведенная в закон воля господствующего класса; Л. Петражицкий отмечал базовое значение психологических закономерностей развития; с точки зрения Г. Кельзена, право представляет собой иерархическую систему норм, каждая из которых в качестве своего основания действительности опирается на вышестоящую норму, и т.д. В то же время все перечисленные основания можно развернуть как пирамиду с взаимным влиянием ступеней: право представляет собой систему норм, которая в свою очередь должна быть основана на справедливости, справедливость предполагает учёт интересов различных классов, эти интересы основаны на психологии индивидов и т.д. Одно понятие переходит в другое: законы, общественные интересы, психологические установки связаны в каузальной модели правовой реальности. *Как минимум, в качестве мысленного эксперимента все перечисленные основания можно синтезировать в гармоничное целое.*

Взаимодействие различных эстетических модификаций создаёт важный онтологический эффект: через призму эстетики правовой институт воспринимается как элемент объективной реальности, то, что составляет общий предмет интенционального внимания при социальном взаимодействии. Соответственно, в призме эстетического холизма наряду с ранее определёнными признаками правовой реальности (целостность структуры познавательных актов,

ценностная ориентированность, супервентность на идеальных категориях) необходимо выделить еще интерсубъективность, которая характеризует онтологический статус правовых феноменов. Холистическая взаимосвязь элементов правовой реальности обуславливает преобразование сущности объекта в феномены, которые доступны восприятию реципиентам в процессе общественных отношений. П. Шлаг отмечает, что *«эстетика формируют способ, которым мы мыслим право, делаем право и воображаем будущие направления права. Они формируют самую его сущность»*²³.

Рассмотрение объектов правовой реальности в свете эстетического холизма позволяет составить общее терминологическое представление о правовых феноменах. Так, термин «конституция» может восприниматься в значении «конституция-текст», «конституция-ценность», «конституция-правопорядок», «конституция-книга» и т.д. Однако, встречая слово «конституция» в тексте, субъект права сталкивается с эффектом, который предполагает (пусть и кратковременный) холистический эффект — объединение различных его смыслов. Этот эффект обладает двойственной природой, сочетая реальность и иллюзорность. Признак реальности делает возможным использование термина на практике, но попытки более глубокого его понимания ведёт к расщеплению в зависимости от точных целей употребления. Угроза потери объекта правовой реальности как индивидуализированной сущности (например, «конституция-книга») может вызвать сомнения в его онтологической подлинности. Сохранению самостоятельного онтологического статуса ряда правовых институтов способствует установление онтологической подлинности абстракций. Так, при изучении правового режима дома недостаточно его идентифицировать как совокупность кирпичей, бетона и стекла. При материалистическом подходе все понятия правовой реальности будут в известной мере неточны. Реципиенту проще рассматривать дом как абстракцию (т.е. в определенном смысле как «эйдос» дома), в то время как восприятие дома в качестве физического объекта на любом эстетическом уровне неполно: мало определить дом как совокупность стройматериалов, затем потребуются уточнение его плана, конструктивных особенностей, назначения и т.п. В любом случае такого описания будет недостаточно для дома Зингера в Санкт-Петербурге как объекта конкретного правоотношения. На практике невозможно сгруппировать все акциденции по разным критериям *quantum satis* без привлечения идеальных понятий.

Эстетика сохраняет значение для юридической науки, так как позволяет воспринимать правовые институты за счёт приближения к их «эйдетической» сущности. На определенной степени отвлечения супервентность объектов правовой реальности (Б-факты) устанавливается через соответствие формы воплощения идейным предпосылкам (А-факты) и подлежит оценке в перспективе таких эстетических категорий, как соразмерность, умеренность, стройность, целостность. Одновременно эстетические модификации создают ряд двойственных связок (текст-контекст, объект-структура, сущность-форма и др.), фундирующих иерархические структуры права. *И если правовая реальность — это сфера бесконечного многообразия каузальных цепочек, то эстетика выступает одновременно их ограничением и фактором формирования.*

Согласно теории онтологической относительности Р. Карнапа, различные абстрактные сущности — свойства, классы, пропозиции — могут восприниматься как

²³ Schlag P. Op. cit. P. 1047—1116.

реальность²⁴. И хотя свойственная логическому позитивизму эмпирическая редукция не допускает онтологическую подлинность абстрактных сущностей, необходимо констатировать, что без них не может обойтись ни одна наука (даже числа в математике не более чем абстракции). У. Куайн дополнил теорию Карнапа известным онтологическим критерием: «*существовать — значит быть значением связанной переменной*»²⁵. В юридической науке инверсия этого критерия требует формализацию эстетическими категориями, которые связывают сущностные предпосылки права со способами его выражения и понимания.

Концепция онтологической относительности У. Куайна предполагает, что объекты, рассматриваемые в качестве существующих, являются постулированными сущностями, которые вводятся в экзистенциальных утверждениях в рамках какой-либо теоретической системы. Соответственно, правовые институты обладают подлинностью онтологического статуса, если они выступают в качестве значения квантифицируемой переменной в правовой реальности. При этом эстетика позволяет разграничить вопросы существования объектов права (эмпирические) от вопросов реальности их сущности (онтологические).

Вопрос о подлинности правовых феноменов (в том числе таких предельно общих категорий, как «правовые идеи», «принципы» и «ценности») сложен, требует классификацию объектов по различным критериям и предполагает другие методологические сложности. Однако еще большие сложности влечёт отказ от признания онтологической подлинности правовых абстракций. Само по себе утверждение о свойстве небытия у конкретного правового феномена содержит противоречие: ведь если объект не существует, то почему именно его автор выбрал в качестве предиката логического суждения? И как образ несуществующего объекта может быть воспринят другими субъектами правоотношений?

Заключение и выводы

Проведенное исследование наметило методологические возможности рассмотрения отдельных эстетических категорий в качестве факторов формирования онтологических конструкций права. Эстетическое восприятие правовых феноменов — это сложный процесс, в котором проявляются такие признаки, как целостность структуры познавательных актов, ценностная ориентированность, супервентность на идеальных предпосылках, интерсубъективность, холизм.

Перечисленные признаки позволили выделить несколько эстетических уровней права: структурный, динамический, контекстуальный, рецептивный. Структурный уровень предполагает формализацию и систематизацию правовых институтов, за счёт чего они обретают свойство устойчивости. Недостатками первого уровня будут риски избыточной классификации и высокой ригидности права. Большую часть судебных дел можно разобрать на структурном уровне эстетики, однако неизбежно возникают отношения, которые не урегулированы существующими юридическими конструкциями. Соответственно структурный уровень нуждается в дополнении эстетикой динамики, связанной с различными изменениями и трансформациями. Политические, культурные и социальные условия оказывают влияние на право: в различных контекстах одни и те же

феномены могут быть эстетичны и обоснованы, следовательно, приняты и поддержаны аудиторией. При этом важно не потерять сущность правового института под нагромождением модных контекстуальных смыслов. Рецептивный уровень эстетики определяет читателя нормативного правового акта в качестве активного агента, который формирует уникальный в опыте прочтения текст, тем самым признаёт его «реальное» существование. Особую значимость приобретает задача сохранения баланса между разными видами эстетики.

Анализ применения свойств супервентности и холизма показал логическую возможность построения правовых феноменов на идеальных категориях. При этом эстетика выступает сущностным и формообразующим элементом. Онтологические единицы и эстетические модификации влияют друг на друга, что определяет возможность их синтеза в гармоничное целое.

Исходя из концепции онтологической относительности и холистического тезиса Карнапа-Куайна, правовые институты обладают подлинностью онтологического статуса, если они выступают в качестве значения квантифицируемой переменной в правовой теории. В целом взаимодействие различных эстетических модификаций создаёт важный онтологический эффект: через призму эстетики право воспринимается как объективная реальность, то что составляет общий предмет интенционального внимания при социальном взаимодействии.

Таким образом, для признания онтологической подлинности правовых феноменов необязательно, чтобы они были доступны нам в смысле “*existere*” (от лат. *появляться; быть видимым*), но они существуют (= обладают бытием) в смысле “*est*” как интеллигибельные элементы мысленного бытия. Самостоятельный онтологический статус этих объектов создает возможность единого понимания смыслов феноменов, который остаётся основой взаимодействия между людьми. Роль эстетики сохраняется в создании условий для ограничения бесконечных каузальных цепочек и обеспечения развития права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов С. Н. Методология машинного восприятия права на основе синектического подхода // Журнал рос. права. 2022. № 12. С. 30–44.
2. Гаджиев Г. А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 108–173.
3. Костогрызов П. И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Научный ежегодник ИФП УрО РАН. 2017. Вып. 4. Т. 17. С. 81–99.
4. Коэн-Элия М., Порат И. Американский метод взвешивания интересов и немецкий тест на пропорциональность: исторические корни // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3 (82). С. 59–81.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 1. Ранняя классика. М.; Х., 2000.
6. Лосев А. Ф. Хаос и структура. М., 1997. С. 732.
7. Пухова Т. Б. Эстетические основания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
8. Радбрух Г. Философия права. М., 2004.
9. Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения литературной премии А. Солженицына // Росс. газ. 2017. 28 дек. С. 4.

²⁴ См.: Carnap R. Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic. Chicago, 1964.

²⁵ Quine W. Ontological Relativity and Other Essays. New York and London, 1969.

10. Фехнер Э. Философия права // Росс. ежегодник теории права. 2010. № 3. С. 565.
11. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории. М., 2013. С. 55.
12. Шнигер Д. О. Правовая эстетика, или право как искусство // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 113–120.
13. Davidson D. Mental Events. Reprinted in Essays on Actions and Events. Oxford, 1970.
14. Fish S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, Ma., 1980.
15. Gearey A. Law and Aesthetics (Legal Theory Today). Bloomsbury Publishing PLC, 2001.
16. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983. P. 13.
17. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. Vol. 71. 1958. No. 4. P. 593–629.
18. Quine W. Ontological Relativity and Other Essays. New York and London, 1969.
19. Schlag P. The Aesthetics of American Law // Harvard Law Review. 2002. No. 115. P. 1047–1116.
20. Tompkins J.P. Reader-response Criticism: From Formalism to Post-structuralism. Johns Hopkins University Press, 1980.
21. Tyson L. Critical theory today: a user-friendly guide, 2nd ed. Routledge, New York and London, 2006.
22. Zeidler K. The Aesthetics of Law. Wolters Kluwer, 2020.
4. Coen-Elia M., Porat I. The American method of weighing interests and the German proportionality test: historical roots // Comparative Constitutional Review. 2011. No. 3 (82). P. 59–81 (in Russ.).
5. Losev A.F. The history of ancient aesthetics: in 8 vols. Vol. 1. Early classics. M.; Kh., 2000 (in Russ.).
6. Losev A.F. Chaos and structure. M., 1997. P. 732 (in Russ.).
7. Pukhova T.B. Aesthetic foundations of law: abstract ... PhD in Law. Vladimir, 2008 (in Russ.).
8. Radbruch G. Philosophy of Law. M., 2004 (in Russ.).
9. Speech by A.A. Zaliznyak at the ceremony of awarding the literary prize of A. Solzhenitsyn // Ross. gaz. 2017. 28 Dec. P. 4 (in Russ.).
10. Fechner E. Philosophy of Law // Ross. the yearbook of the theory of law. 2010. No. 3. P. 565 (in Russ.).
11. Chalmers D. The conscious mind. In search of a fundamental theory. M., 2013. P. 55 (in Russ.).
12. Shniger D.O. Legal aesthetics, or law as art // Herald of Kutafin University (MGUA). 2020. No. 7 (71). P. 113–120 (in Russ.).
13. Davidson D. Mental Events. Reprinted in Essays on Actions and Events. Oxford, 1970.
14. Fish S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, Ma., 1980.
15. Gearey A. Law and Aesthetics (Legal Theory Today). Bloomsbury Publishing PLC, 2001.
16. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford, 1983. P. 13.
17. Hart H.L.A. Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. Vol. 71. 1958. No. 4. P. 593–629.
18. Quine W. Ontological Relativity and Other Essays. New York and London, 1969.
19. Schlag P. The Aesthetics of American Law // Harvard Law Review. 2002. No. 115. P. 1047–1116.
20. Tompkins J.P. Reader-response Criticism: From Formalism to Post-structuralism. Johns Hopkins University Press, 1980.
21. Tyson L. Critical theory today: a user-friendly guide, 2nd ed. Routledge, New York and London, 2006.
22. Zeidler K. The Aesthetics of Law. Wolters Kluwer, 2020.

REFERENCES

1. Gavrilov S.N. Methodology of machine perception of law based on a synectical approach // Journal of Russ. law. 2022. No. 12. P. 30–44 (in Russ.).
2. Gadzhiev G.A. Legitimization of the ideas of “Law and economics” (new cognitive structures for Civil Law) // Herald of Civil Law. 2017. No. 6. P. 108–173 (in Russ.).
3. Kostogryzov P.I. Legal anthropology in search of a paradigm // Scientific yearbook of IFiP UrO RAS. 2017. Iss. 4. Vol. 17. P. 81–99 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛИХТЕР Павел Леонидович —
кандидат юридических наук,
доцент кафедры частного и публичного права
Пензенского государственного университета;
440000 г. Пенза, ул. Красная, д. 40

Authors' information

LIKHTER Pavel L. —
PhD in Law,
Associate Professor, Department
of Private and Public Law,
Penza State University; 40 Krasnaya str.,
440000 Penza, Russia